Брат / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
Брат / новелла Б Р А Т

В те дни я с головой ушел в игры со своими сверстниками. Не знаю, может, оттого, что наши игры носили состязательный характер, когда хотелось опередить, выиграть у своих друзей, нам они казались особенно интересными. Я должен был отыграть альчик, мой любимый красный альчик, который я так старательно натачивал до блеска.
Сидя дома, бабушка по нескольку раз на дню окликает меня, чтобы отругать:
— Куда ты опять собрался? — Уши у моей бабушки как локаторы, небось уже услышала цокот копыт моего ишака.
— Свожу ишака на водопой.
— Да разве ж осенью ишак пьет по два-три раза на дню?
Честно говоря, мне самому не очень-то и интересно, пьет ишак воду или нет. Мы с ребятами только что договорились устроить на песчаной дороге ослиные скачки.
А напоить ишака водой — это только повод, чтобы вырваться из дома. Хотя коровник чищу я, овец кормлю-пою я, и “мамин помощник” тоже я… И все равно моей бабушке не нравится, когда я то и дело увожу своего ишака и, считая его легендарным конем Гыратом из эпоса о Героглы, ношусь на нем, загоняя животное до полусмерти.
И потом, в доме я не единственный мальчик, есть в доме и еще один прилипала по имени Бабагельды, мой младший брат, которому на днях исполнится шесть лет. Ему ни до кого, кроме меня, дела нет. Стоит увидеть, что я куда-то засобирался, как он тут же увяжется за тобой: “И я”. Ну просто настоящая собачонка, которая ни на шаг тебя не отпускает, всюду за тобой таскается. И не дай бог сказать, чтобы он остался, так ведь такой рев устроит, что мало не покажется! Услышав его плач, мама и бабушка выскакивают и начинают с двух сторон допытывать: “Что с тобой, детка?!”, как будто его кто пилой на части разрезает.

А мой братишка, заливаясь слезами, жалуется:
— Он не берет меня с собой…
Тогда бабушка начинает уговаривать меня по-хорошему:
— Сынок, ты ведь умный мальчик. Он же твой младший братишка. Пусть он с тобой поиграет. Если ты старший, ты должен и с младшим тоже играть…
— Но он ведь не умеет играть…
— Научишь, и он тоже сможет, сынок…
В этот момент я вспоминаю, что нельзя заставлять бабушку долго уговаривать себя. Иначе она может рассердиться и сказать: “А ну, если не хотите играть вместе, чтобы оба ни шагу из дома!” Понимаю, мне не остается ничего другого, как послушаться бабушку.
Тряхнув его за плечо, обиженно произношу: “Ну пошли тогда”. Бабагельды расцветает. Конечно, он ведь добился своего.
Помню, однажды нас на “тропу войны” вывела женщина из соседнего аула, приехавшая проведать бабушку, ее хорошая подруга. Мы с братом играли возле бабушки в три альчика, “учем-учем” называется игра. Бабушка очень обрадовалась приезду этой женщины. “Вай, подруга, какими судьбами?” — и она радостно обняла свою гостью. Женщина эта вроде бы и неплохая, она сразу же ласково посмотрела на нас и стала говорить о нас слова, которые должны были понравиться бабушке:
— Какие у тебя замечательные внучата, в настоящих парней выросли. И оба похожи на своего отца в детстве,- наверно, мой брат понравился этой женщине больше, она не ограничилась тем, что погладила его по голове, еще взяла на руки и расцеловала.
Бабушка и гостья пили чай, ели, вспоминали молодость свою. Надо сказать, что несколько месяцев тому назад мы выдали нашу старшую сестру замуж как раз в то село, откуда приехала эта женщина. Бабушка возьми и спроси у нее, как там поживает ее внученька. Когда она напомнила о нашей сестре, перед глазами тотчас же возник ее родной облик. Потому что и я, и мой младший брат очень любим ее и даже сейчас скучаем по ней. Раньше, когда наша сестра жила дома, отправляясь к подругам посидеть или заниматься вышивкой, она всегда брала с собой в попутчики меня, а в последнее время с ней ходил только

Бабагельды. Теперь же, приезжая погостить домой, она привозила с собой вертлявую девчонку со взъерошенными волосами и называла ее своей золовкой. А вообще, мне не нравится, когда девушки уходят из дома и про них говорят, что они вышли замуж. Может, поэтому я не очень-то люблю родственника, который стал зятем. Да и почему, собственно, я должен любить его? За что? За то, что он увел из дома твою любимую сестру?..

Я не сразу понял, отчего на вопрос бабушки “Подруга, а как там наши поживают?” гостья переменилась в лице. Она погладила свое широкое лицо, словно хотела стереть с него невольно возникшее выражение, связанное с предстоящим неприятным сообщением.

— Я ехала сюда с намерением ничего не говорить тебе, но раз уж ты спросила, придется сказать. Своими глазами я не видела, но ближайшие соседи вроде бы видели. Похоже, ваша девочка не очень-то ладит с мужем. А в тот день он и вовсе ударил ее по щеке…

Лицо бабушки потускнело на глазах, но поначалу она ограничилась лишь неопределенным “Гм-м…” Затем на ее лице появилось задумчивое выражение, словно у человека, размышляющего про себя: “Пойду на базар, куплю то-то и то-то, хотя денег у меня столько-то…” И лишь спустя какое-то время она произнесла фразу, которую гостья должна была помнить и по возвращении домой. “Братьям не понравится, если они узнают, что их сестра получила пощечину…” Она, конечно, имела в виду нашего отца, но и на нас с Бабагельды посмотрела выразительно, как бы говоря: “Да и эти тоже не останутся в стороне”.

Как и всегда, бабушка и на сей раз оказалась права. Мне тоже не понравилось сообщение нашей гостьи, да и кому могут понравиться обиды, нанесенные твоему близкому человеку?! Я и на следующий день несколько раз вспоминал этот разговор, а в ушах все звучали слова недовольной бабушки: “Туркмены никогда не понимали насилия над слабыми…”

Душа моя была неспокойна, я не мог оставаться равнодушным к случившемуся, я должен был что-то предпринять, и в конце концов у меня созрело решение во что бы то ни стало отомстить обидчику сестры. Едва дождавшись утра следующего дня, я запряг своего ишачка и стал ждать удобного момента, чтобы тайком от

бабушки и домашних отправиться в соседнее село и наказать ненавистного зятя. Уже взошло солнце, но погода была холодной. Карманы телогрейки, надетой поверх пиджака, были битком набиты камнями и оттопыривались. Мне бы только добраться до соседнего села, а там я найду этим камням применение! Задумав устроить мужу сестры вендетту, я отправился на каменистую дорогу, проходившую неподалеку от нашего дома, и тщательно отбирал там эти камни, которые сейчас оттягивали мне карманы. Стараясь никому не показываться на глаза, я тихонько выехал на большую дорогу и на тебе! На своем трехколесном велосипеде прямо на меня ехал Бабагельды. Я-то от него прятался, ехал по закоулкам, а он, как нарочно, опять у меня у меня на пути. А дальше все вышло именно так, как я и думал.

Отшвырнув велосипед в сторону, он затянул всю ту же песню: “И я с тобой!” Скажешь “нет”, он такой ор поднимет, что мало не покажется, и тогда ты уже точно никуда не поедешь. Делать нечего, я протянул ему руку, подставил вместо ступеньки свою ногу и помог взобраться на ишака, усадил брата позади себя. А иначе, если бабушка вдруг узнает, разве отпустит она меня туда?!

Получив направление движения, ишак цокает копытами по глинистой обочине каменистой дороги. Бабагельды, чтобы не свалиться с ишака, сидит, обхватив меня крепко ручонками поверх телогрейки, сидит сзади, привалившись к моей спине. Показав ему камни, которые были у меня в кармане, я объяснил братишке, что на сей раз мы едем к сестре не для того, чтобы передать ей угощение или же какое-нибудь сообщение от бабушки, а для того, чтобы отомстить за нанесенную ей обиду, дал ему пару камней, чтобы он мог запустить их в зятя. Узнав, куда и зачем мы едем, Бабагельды сразу же вспомнил, что и у него там имеется враг. “У них еще серый петух есть, я его тоже побью…” Серый петух — это тот, который набросился на моего брата, когда он вместе с бабушкой приезжал навестить сестру, и сильно испугал его. Так что у Бабагельды были все основания заодно и петуха наказать.

Я понял, мой брат жаждет мести ничуть не меньше меня. Человек всегда чувствует себя сильнее, если у него появляется

единомышленник.
А солнце наверху то выглянет из-за туч, то снова скроется за ними. Немного проехав по открытой местности, мы начали мерзнуть, день был морозный. Правда, нас согревала мысль о том, что мы едем на правое дело – мстить. Наверно, оттого, что немного замерзли, нам показалось, что село находится дальше, чем обычно. Но в конце концов мы добрались до него, правда, день уже приближался к полудню. Поставили своего ишака прямо перед домом зятя и ждем. Как только он появится, мы забросаем его камнями, вот только что-то слишком долго никто не выходит из дома. Только потом мы заметили, что на двери дома висит огромный замок. Вот незадача! Нам стало ясно, что они заперли дверь и куда-то ушли. Услышав наши голоса, из соседнего дома вышел квадратный человек со смуглой кожей.
Сощурив глаза, он некоторое время смотрел в нашу сторону, пытаясь опознать нас. Братишка, думая, что это зять, заерзал на месте, собираясь запустить в того камнем. По нашему уговору, как только зять появится нам на глаза, мы должны с двух сторон выпустить в обидчика нашей сестры град камней. Рука братишки поднялась, но он так и не смог разжать застывший от холода кулак, в котором был зажат камень. Тем временем смуглый человек подошел ближе и обратился к нам: “Эй, ребята, вы сыновья Назара ага?”
Видно, он догадался, кто мы такие, когда мы громко выкрикивали имя сестры.
– Да.
– Это хорошо, что вы сыновья Назара ага, давайте тогда, слезайте с коня, к тому же вы порядком промерзли, пойдемте в дом, согреетесь, гостями будете! А вашей Биби эдже нет, они сегодня утром целой толпой поехали в город к дочери, та сына своего женит. Так что вряд ли они вернутся прежде, чем закончится свадьба.
Я как-то не обращал внимания, а оказалось, что Бабагельды очень сильно замерз, губы у него посинели и дрожали. Когда мы ехали сюда, я слышал, как у меня за спиной что-то щелкает, думал, что это Бабагельды стучит камнями, готовится к битве, а оказалось, что это у него от холода зубы стучат.

Человека, который, признав в нас сыновей Назара, приютил у себя дома и обогрел, звали Язы по кличке сары (сары – желтый, смуглый). О том, что его зовут именно Язы-сары, мы узнали, вернувшись домой с “вендетты”. Оказалось, когда наш отец на своем тракторе обрабатывал в этом селе землю, Язы-сары был при нем помощником, учился у него водить трактор.

Язы-сары снял моего братишку с ишака и на руках отнес в дом, там он усадил его возле теплой печи. Я сел немного позади него. Расстелили сачак, мы поняли, что нас собираются накормить. Нам принесли яичницу на сковородке. Язы сары сидел рядом с нами, “берите, ешьте!” предлагал он нам, сам же изредка протягивал руку к сковороде и делал вид, что ест. Да и брат мой не очень-то ест, одну руку он все еще держит в кармане. Я посчитал это неприличным и вынул руку брата из кармана. Вот тогда-то и открылась цель нашего прибытия сюда.

Когда Бабагельды разжал немного согревшуюся руку, в ней лежал один из двух камней, которые я дал ему. Только сейчас я понял: он так долго не мог разжать кулак, потому что тот задубел от холода.

Увидев в кулачке брата камень, Язы сары заинтересовался им и спросил: “Что это?”, и тогда я вынужден был признаться, что мы приехали сюда, чтобы наказать нерадивого зятя, отомстить ему за нашу сестру.

Выслушав меня, Язы сары, задрав голову, от души рассмеялся. Оказывается, когда он так смеется, из глаз его текут слезы, а желтая кожа на его лице становится багрово-красной. Не переставая смеяться, он крикнул жене, которая сновала по дому:

– Эй, жена, вели забить одного из петухов, и сына позови, пусть моркови нароет, приготовь плов!

Не знаю, почему, но я понял, что мои слова пришлись по душе Язы сары, что они вызвали у него чувство гордости за нас. Он обогрел нас, попотчевал, как дорогих гостей, и со всеми почестями проводил домой.

Когда мы верхом на ишаке поравнялись с домом сестры, я остановился еще на минуту. Брошенный мною камень стукнулся в их дверь. Мой братишка оказался более метким, чем я, его камень угодил прямо в их окно и вдребезги разбил его.

Никто не хватился нас, когда мы уходили, зато, когда мы вернулись обратно, нас сразу же заметили. Конечно, столько времени отсутствовать и при этом остаться незамченным?!
Увлекшись интересными рассказами Язы сары, поев вкусного плова и расслабившись, мы и не заметили, сколько времени прошло. Когда мы вернулись, выяснилось, что бабушка и мама ходили по соседям, искали нас.
Нам не оставалось ничего другого, как честно признаться, где и зачем мы были.
Выслушав меня, бабушка всхлипнула: “В такой-то холод?”, не договорив, она обняла брата и заплакала.
Лишь спустя некоторое время, когда мы зашли в дом, разделись и устроились возле теплой печи, бабушка снова стала для нас родным и близким человеком. Она ласково журила нас:
— Вы только посмотрите, что они надумали, да еще в такой мороз! В голову ведь такое не могло придти. Видите ли, мстить они поехали. Тоже мне еще Героглы отыскались! (Героглы — легендарный герой туркменского эпоса, человек сильный и бесстрашный). Какие из вас мстители, вы ведь совсем дети еще, только вон как продрогли… Тогда уж надо было вам еще трижды обойти вокруг “гуджума” (гуджум — ильм), пронзить его стрелой желтого лука, оставить след, а уж потом возвращаться…
Хоть бабушка и ворчала, но в этом ворчании уже не было гнева, с которым она встретила нас, когда мы вернулись домой, напротив, в словах ее неожиданно прозвучали горделивые нотки. Не знаю, как брат, а я-то сразу сообразил, почему бабушка вспомнила о Героглы беке. “Героглы” — это книга, которую в нашем доме любят читать все. В ней рассказывается о том, как Героглы отправился мстить Арап Рейхану, который силой увез из дома его юную сестру. Уже усадив Бибиджан в седло своего коня, он трижды обходит дерево ильм, под которым спит Арап, и выстреливает в него из лука, оставляет на дереве метку, чтобы тот, проснувшись, мог увидеть след его пребывания. Видно, наш поход за мщением напомнил бабушке тот поход Героглы, который также намеревался отомстить ненавистному врагу, поэтому она, говоря об этом, улыбалась. Hekaýalar